

Мамяченков В. Н. Политика советского государства в сфере трудовых отношений в 1940-х — начале 1950-х гг.: как заставить людей работать? (на материалах Свердловской области) / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2017. — № 4. — С. 168—187. — DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-168-187.

Mamyachenkov, V. N. (2017). Policy of Soviet State in Sphere of Labour Relations in 1940s — Early 1950s: How to Get People Work? (on Materials of Sverdlovsk Region). *Nauchnyy dialog*, 4: 168-187. DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-168-187. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94(47).084.6/.8+331.101.3+331.108.64(470.54)

DOI: 10.24224/2227-1295-2017-4-168-187

Политика советского государства в сфере трудовых отношений в 1940-х — начале 1950-х гг.: как заставить людей работать? (на материалах Свердловской области)

© **Мамяченков Владимир Николаевич (2017)**, orcid.org/0000-0001-6070-8746, доктор исторических наук, профессор кафедры теории управления и инноваций, Институт государственного управления и предпринимательства, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; профессор кафедры государственного и муниципального управления, Институт экономики, Уральский государственный экономический университет (Екатеринбург, Россия), mamyachenkov@mail.ru.

Статья посвящена недостаточно разработанной в отечественной историографии теме, особенно в том, что касается ее регионального аспекта. Исследование проведено на материалах Государственного архива Свердловской области (ГАСО) и Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДО-ОСО) с привлечением научной и публицистической литературы. Актуальность темы обусловлена ее высокой значимостью для общественных наук, прежде всего для истории, социологии и политологии. Научная новизна работы видится в том, что в оборот вводятся новые материалы, обнаруженные автором в указанных архивных фондах. В исследовании констатируется, что трудовое законодательство в СССР носило, по сути, карательный характер. Утверждается, что вся история коммунистической власти в нашей стране — это история административно-принудительного труда советского народа. Декларируется, что в советский период истории, вплоть до начала «перестройки», были невозможны какие-либо исследования проблемы административного принуждения к труду в СССР. Подчеркивается, что почти до самых последних дней существования Советского Союза уклонение граждан от «общественно-полезного труда» в любом случае рассматривалось как серьезное

нарушение закона и всячески преследовалось, начиная с мер общественного воздействия и заканчивая применением уголовного законодательства. Доказывается, что руководство коммунистической партии и государства рассматривало репрессивность в трудовой сфере как неперемнное условие нормального функционирования и укрепления режима, как постоянно действующий инструмент упрочения собственной власти и, в конечном итоге, как естественную закономерность «социалистического строительства».

Ключевые слова: СССР; военные и послевоенные годы; Свердловская область; трудовые отношения; прогулы; административное принуждение; карательная политика.

1. Введение

Не будет большим преувеличением сказать, что вся история коммунистической власти в нашей стране — это еще и история административно-принудительного труда советского народа. Как известно, в условиях рыночной экономики государство призвано только создавать стимулы для трудовой деятельности человека и обеспечивать трудовые отношения разумным трудовым законодательством. Населению страны при этом гарантируется полная свобода при выборе сферы трудовой деятельности и обеспечивается определенная правовая защита. Таким образом, в рамках рыночной экономики принуждение граждан к труду носит преимущественно экономический характер. В условиях же господства командно-административных методов управления государство сосредоточивает в своих руках практически все средства производства, до предела ограничивая частнособственническую предпринимательскую деятельность населения и предлагая ему взамен весьма ограниченный круг занятий. Профессиональные союзы трудящихся играют при этом роль соглашателей и полных союзников органов власти, а возможные протесты со стороны граждан самым жестким способом подавляются карательными структурами.

Именно такая ситуация характерна, так или иначе, для любого тоталитарного государства, даже если в нем и сохраняется в известной мере институт частной собственности. СССР здесь не был исключением, хотя, конечно, именно в нем обобществление экономики было доведено до абсурда. Можно утверждать, что если административно-трудовое принуждение в Советском Союзе чем-то и отличалось от аналогичного явления, например в нацистской Германии, то разве что значительно более жестким и всеохватным характером мер и методов такового. Здесь трудно не согласиться с болгарским политологом и историком (а также бывшим президентом Болгарии) Ж. Желевым, который такими словами охарактеризовал идентичность коммунистической и фашистской идеологий: «Между нацистской и коммунистической политическими системами не только нет

существенной разницы, но если какая-то разница и есть, то она не в пользу коммунизма» [Желев, 1991, с. 8]

Почти до самых последних дней существования СССР уклонение граждан от «общественно-полезного труда» в любом случае рассматривалось как серьезное нарушение закона и всячески преследовалось, начиная с мер общественного воздействия и заканчивая применением уголовного законодательства. Поэтому в советский период истории нашего государства, вплоть до начала «перестройки», были невозможны какие-либо исследования проблемы принуждения к труду в СССР, такие работы публиковались в странах Запада советскими диссидентами-эмигрантами. В их публицистических трудах (многие из них были изданы в России в 1990-е и более поздние годы) нашли свое освещение прежде всего различные аспекты использования принудительного труда в местах лишения свободы, см., например: [Солженицын, 1991; Солоневич, 1999]. К указанной тематике примыкают и некоторые произведения мемуарного характера [Керсновская, 2000—2001], а также ряд научных исследований в масштабах СССР [Бородкин, 2008; Земсков, 1991; Иванова, 2006; Кокурин и др., 2000; Пыхалов, 2010] и работы, основанные на материалах Урала и Свердловской области [Кириллов, 1996, 1998; Кузнецов, 2004, 2005; Маламуд, 1998а, 1998б; Мамяченков, 2016а, 2016б].

В то же время перечень научных исследований регионального плана, посвященных именно бытовому, «нелагерному» принуждению к труду, крайне незначителен. И это притом, что именно в рамках данной проблематики сегодня, как нигде, наблюдается значительное количество домыслов и слухов. Предлагаемая новая статья, как нам представляется, послужит вкладом в дальнейшую разработку указанной проблемы.

2. Довоенные законы ... военного времени

Принуждение к «общественно-полезному труду» в Советском Союзе представляло собой органический элемент общей системы насилия в стране, идеологические корни которой следует искать в одиозной коммунистической доктрине «диктатуры пролетариата». При этом парадокс советской правовой системы состоял в том, что именно пролетариат и был первой жертвой карательной юстиции: год за годом, вплоть до смерти Сталина, советская власть методично ограничивала объем прав населения страны. Пожалуй, пиком такой антисоциальной политики стало лето 1940 года, в течение которого парламент страны принял сразу три Указа, резко ущемляющих интересы трудящихся. При этом главной идеей этих законодательных актов было ужесточение ответственности

(вплоть до уголовной) за прогулы и за самовольный уход с предприятий и организаций.

Сначала был принят Указ «О переходе на восьмичасовой рабочий день, на семидневную рабочую неделю и о запрещении самовольного ухода рабочих и служащих с предприятий, и учреждений» от 26 июня 1940 года. В нем, в частности, говорилось:

<...> 3. Запретить самовольный уход рабочих и служащих из государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений, а также самовольный переход с одного предприятия на другое или из одного учреждения в другое. Уход с предприятия и учреждения, или переход с одного предприятия на другое и из одного учреждения в другое может разрешить только директор предприятия или начальник учреждения.

<...> 5. Установить, что рабочие и служащие, самовольно ушедшие из государственных, кооперативных и общественных предприятий или учреждений, предаются суду и по приговору народного суда подвергаются тюремному заключению сроком от 2-х месяцев до 4-х месяцев.

Установить, что за прогул без уважительной причины рабочие и служащие государственных, кооперативных и общественных предприятий и учреждений предаются суду и по приговору народного суда караются исправительно-трудовыми работами по месту работы на срок до 6 месяцев с удержанием из заработной платы до 25 %. В связи с этим отменить обязательное увольнение за прогул без уважительных причин. Предложить народным судам все дела, указанные в настоящей статье, рассматривать не более чем в 5-дневный срок и приговоры по этим делам приводить в исполнение немедленно.

Установить, что директора предприятий и начальники учреждений за уклонение от предания суду лиц, виновных в самовольном уходе с предприятия и из учреждения, и лиц, виновных в прогулах без уважительных причин — привлекаются к судебной ответственности.

Установить также, что директора предприятий и начальники учреждений, принявшие на работу укрывающихся от закона лиц, самовольно ушедших с предприятий и из учреждений, подвергаются судебной ответственности [Ведомости ..., № 20, с. 1] (здесь и далее сохранены орфография и пунктуация источников).

Далее, уже менее чем через месяц — 17 июля того же года, состоялся Указ Президиума Верховного Совета СССР «О запрещении самовольного ухода с работы трактористов и комбайнеров, работающих в машинно-тракторных станциях», распространивший действие Указа от 26 июня 1940 года и на эти категории трудящихся [Ведомости ..., № 25, с. 1]. И в завершение

10 августа был принят Указ «О рассмотрении народными судами дел о прогулах и самовольном уходе с предприятий и учреждений без участия народных заседателей», дававший право народным судьям единолично рассматривать дела «разгильдяев» и «дезертиров производства» [Там же].

Вслед за первыми двумя Указами последовали подзаконные акты, предусматривающие ответственность вплоть до уголовной даже за опоздание на работу и преждевременный уход с нее. Так, согласно приказу нарком юстиции СССР и Прокурора Союза ССР № 84/133 от 22 июля 1940 года, рабочих и служащих, допустивших опоздание без уважительных причин более чем на 20 минут после обеденного перерыва или самовольный уход с работы ранее чем за 20 минут до обеденного перерыва или окончания рабочего дня, также следовало привлекать к судебной ответственности, как за прогул, по части 2 ст. 5 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 года [УК РСФСР 1941, с. 118]. Постановление же Пленума Верховного суда СССР от 23 июля 1940 года предусматривало следующее: «В тех случаях, когда осужденный за прогул без уважительных причин к исправительно-трудовым работам по месту работы совершит во время отбывания этого наказания новый прогул без уважительных причин, такие действия осужденного следует рассматривать как уклонение от отбывания назначенного по приговору суда наказания. В этом случае, применительно к ст. 26 Исправительно-трудового кодекса РСФСР и соответствующим статьям НТК других союзных республик, неотбытый срок исправительно-трудовых работ заменяется тюремным заключением на тот же срок» [Там же, с. 119].

Таким образом, теперь в случае повторного прогула при не отбытом до конца наказания за предыдущий прогул можно было уже попасть в тюрьму на срок до шести месяцев. Вот так еще за год до начала Великой Отечественной войны в СССР уже были введены в действие законы фактически военного времени. Не лишним будет напомнить, что подобные draconianские меры даже в условиях войны применялись далеко не во всех странах. Принятие таких законов фактически возвращало нашу страну к временам крепостного права, особенно в отношении колхозников, которые уже задолго до начала войны были лишены права свободного перемещения по территории своей страны по причине отсутствия паспортов. Можно сказать еще жестче: страна скатилась до использования *феодалских* методов принуждения к труду.

3. Первые последствия ужесточения трудового и уголовного законодательства

В 1940 году советский народ уже трудно было удивить репрессиями. К этому времени счет казненных и осужденных противников режима по-

шел уже на миллионы, даже подобие какой бы то ни было оппозиции существующей власти было раздавлено и уничтожено, а профсоюзы трудящихся стали просто аффилированным с ней органом, существующим исключительно для удовлетворения пожеланий последней (Указ от 26 июня 1940 года — яркий тому пример). Тем не менее можно утверждать, что такое ужесточение законодательства заставило в который раз буквально вздрогнуть всю громадную страну: уже на 15 сентября 1940 года по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня было передано в суд материалов на 1 082 216 человек. Из них было осуждено 906 824 человека, в том числе за прогул — 755 440, за самовольный уход с работы — 131 718 и за «покровительство прогульщикам» — 2949 человек [Коммерсант.ru].

Эскалация карательного правосудия быстро набирала обороты: до начала Великой Отечественной войны по данному Указу было осуждено уже свыше 3 млн (из них 16 % — за самовольную смену места работы) [ГУЛАГ ..., с. 17], а за первые два с половиной года (то есть до 1 января 1943 года) — 5 121 840 человек (в том числе за прогул без уважительных причин — свыше 4 млн). К моменту же отмены Указа в 1956 году число осужденных советских граждан, по оценкам историков, достигло невероятной цифры — 18 млн [Коммерсант.ru]. При этом самой распространенной мерой наказания, применяемой судами, стал приговор к исправительно-трудовым работам *по месту работы* с удержанием до 25 % заработка на срок до шести месяцев. Тем не менее уже на 1 декабря 1940 года в лагерях и колониях ГУЛага находилось 83 223 человека, осужденных *к лишению свободы* по вышеупомянутому Указу [Земсков, 1991].

Нельзя также не сказать о том, что правоприменительная практика Указа изобиловала огромным числом несправедливых и предвзятых судебных решений, а также случаями судебного и административного произвола. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что только за период с 1 по 16 сентября 1940 года судами было вынесено оправдательных приговоров и прекращено дел на 20 280 чел. [Коммерсант.ru]. Можно привести и еще одну цифру: к 1941 году доля оправдательных приговоров по таким делам составила в среднем 25 % [Пыхалов, 2011, с. 311]. Из множества абсурдных примеров на эту тему приведем один, воистину символический: в сентябре 1940 года нарсуд 9-го участка Сталинского района города Киева приговорил к 5 месяцам исправительно-трудовых работ с удержанием 25 % зарплаты... вице-президента Академии наук УССР Б. И. Чернышова за то, что тот не явился на лекцию в университет. При проверке жалобы осужденного выяснилось, что Чернышов был в отпуске, который был ему разрешен Академией наук. Но ректор университета и замнаркома про-

свещения УССР, передавая материал в суд, не проверили причин неяви академик. Не удосужился сделать это и сам суд, вынесший в результате совершенно неправомерный приговор. Конечно, дело Чернышова было прекращено, как и многие другие подобные «дела», приговоры по которым суды выносили нередко в отсутствие обвиняемых [Коммерсант.ru].

4. Война: можно ли ужесточить жестокие законы?

С началом Великой Отечественной войны уже и рабочие и служащие предприятий военной промышленности (а большинство предприятий являлись именно таковыми) тоже стали фактически государственными крепостными — 26 декабря 1941 года был принят Указ Президиума Верховного совета СССР «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий». Согласно этому документу работники закреплялись на предприятиях без права увольнения: «Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий указанных отраслей промышленности, в том числе эвакуированных, рассматривать как дезертирство, и лиц, виновных в самовольном уходе (дезертирстве), карать тюремным заключением на срок от 5 до 8 лет» [Коммерсант.ru]. Остается только добавить, что в годы войны запрещалось и самовольное перемещение по территории страны без специального пропуска.

Однако ожидаемого эффекта власти не получили. Мало того — по мере обострения лишений военного времени люди все меньше боялись даже уголовного наказания. Например, в Свердловской области в городе Нижний Тагил на заводе № 183 Наркомтанкопрома (нынешний Уралвагонзавод) с 1 января по 1 сентября 1942 года совершили прогулы 3500 человек и дезертировали 2523 человека, что составляло около 20 % к общему количеству рабочих на этом заводе. Даже такой одиозный деятель сталинской правоохранительной системы, как Прокурор СССР В. М. Бочков¹, вынужден был признать, что главными причинами, вынуждавшими рабочих и служащих нарушать закон, было «бездеятельное и халатное отношение работников ряда предприятий к созданию надлежащих бытовых условий для рабочих». В одном из своих сообщений в Совнаркоме СССР он писал, что на нижнетагильском заводе № 183 «<...> около 5000 рабочих

1 Бочков Виктор Михайлович (1900—1981). Будучи в 1940—1943 гг. Прокурором СССР, неоднократно санкционировал бессудные расстрелы советских граждан. В 1944—1951 гг. — начальник Управления конвойных войск НКВД и МВД СССР. В 1951—1955 гг. — заместитель начальника ГУЛага. Один из организаторов подавления восстания политзаключенных в пос. Кенгир (Казахстан) в июне 1954 года. С мая 1959 года в отставке. Награжден двумя орденами Ленина, тремя — Красного Знамени, Суворова второй степени и другими наградами. Похоронен в Москве на Новодевичьем кладбище.

живут в неблагоустроенных общежитиях, спят на голых топчанах, многие не имеют белья, обуви, общественное питание на заводе организовано неудовлетворительно. 180 000 рабочих дней потеряно на этом заводе в связи с болезнями, которые имели место главным образом среди бывших бойцов рабочих колонн в результате крайне неудовлетворительных жилищно-бытовых условий и плохого питания. Около 500 случаев заболеваний окончились смертельным исходом (!) [знак наш. — В. М.]» [Коммерсант.ru].

Война наглядно демонстрировала власть предрержащим бессмысленность наказаний, ставших, по сути, массовыми. Тот же Бочков в апреле 1943 года, сообщая в Совнарком гигантскую цифру осужденных по Указу за нарушение трудовой дисциплины и дезертирство с предприятий по состоянию на 1 января 1943 года (5 121 840 человек), отмечал: «Эти данные свидетельствуют о неудовлетворительном состоянии трудовой дисциплины в промышленности и не снижающемся количестве прогулов и случаев самовольного ухода с предприятий в 1942 году по сравнению с 1941 годом несмотря на применение к дезорганизаторам производства установленных законом мер уголовного наказания. На отдельных промышленных предприятиях за прогулы без уважительных причин осуждено весьма большое число рабочих по отношению к общему количеству рабочих, занятых на этих предприятиях <...> На заводе № 183 Наркомата танковой промышленности [Нижний Тагил. — В. М.] осуждено за то же время 6965 чел., или 21,8 % к общему числу рабочих на этом заводе <...> При таком положении судимость за уголовное преступление, в свете столь больших цифр, теряет свое значение и *становится по существу бытовым явлением* (выделено нами. — В. М.)» [Коммерсант.ru].

Действительно, уголовные санкции за нарушения трудового законодательства в годы войны стали восприниматься почти как бытовое явление (на осуждение которого по понятным причинам, к сожалению, не нашлось своего Льва Толстого). Уже в наши дни судья Свердловского областного суда в отставке Л. А. Павлова так выразила свое мнение о советской Фемиде во время войны: «Тогда правосудие было *специфическим* (выделено нами. — В. М.). Ужесточилась дисциплина, наказывали очень строго за воровство, за опоздание на работу <...> судебным репрессиям подверглась и секретарь судебного заседания, она опоздала на работу на 20 минут, на нее возбудили дело, передали в суд. За малейшее опоздание, за малейшую провинность — дисциплинарное преследование, а иногда даже уголовное» [Свердловский ...].

И это, добавим, при том, что люди владели полуголодное существование. Приведем такие данные: в довоенном 1940 году в семьях рабочих

промышленных предприятий Свердловской области среднедушевое потребление мясoproдуктов составило 14, рыбопродуктов — 7,8, овощей и бахчевых — 28, молокопродуктов — 63 кг [ГАСО, ф. р1813, оп. 1, д. 227, л. 84]. Но даже эти цифры *мирного времени* следует оценить как явно недостаточные для полноценного питания, мало того — они в разы меньше физиологических норм потребления. Другими словами, советские люди недоедали уже до войны, а с ее началом продовольственная проблема, естественно, только обострилась.

Однако Бочков не был бы Прокурором СССР военного времени, если бы только констатировал бессилие административно-уголовных мер принуждения в условиях нищеты и голода военного времени. Он обратил внимание на то, что «<...> применение к лицам, осужденным за прогул, дополнительного наказания, установленного Постановлением СНК СССР от 18 октября 1942 г. (снижение нормы отпуска хлеба), оказывается более эффективным средством борьбы за ликвидацию прогулов, чем судебная репрессия. На многих крупных предприятиях <...> это постановление <...> привело к резкому сокращению прогулов, чего не удавалось достигнуть ранее». Далее Бочков предлагал Совнаркому передать все права по наказанию рабочих и служащих руководству предприятий (попутно разгружая карательные органы), а нарушителей наказывать снижением нормы выдачи хлеба: «На 100 грамм при норме 400—500 грамм; на 100 грамм и 200 грамм при норме 600—700 грамм; на 100 грамм, 200 грамм и 300 грамм при норме в 800 грамм, сроком на 1 месяц, а при повторном прогуле или невыходе на работу более 1 дня — сроком до 3-х месяцев» [Коммерсант.ру].

Правда, это уж совсем людоедское предложение было заблокировано Юридической комиссией Совнаркома СССР в составе наркома юстиции, председателя Верховного суда и главы советских профсоюзов. Но причиной было отнюдь не избыточное человеколюбие членов комиссии, а то, что, по их мнению, введение подобного наказания «<...> могло вызвать отрицательный пропагандистский эффект». Такое решение Юридической комиссии спасло тысячи жизней рабочих и служащих, так как даже положенные им пайки отоваривались далеко не всегда, а полуголодное существование большинства населения стало нормой военного времени.

5. Судебная практика трудовых отношений в первые послевоенные годы в Свердловской области

Окончание войны никак не сказалось на жестокости и массовости наказаний за нарушение производственной дисциплины: уже в первом послевоенном — 1946-м — году по Указу от 26 июня 1940 года на Среднем Ура-

ле было осуждено 74 021 человек (63 582 человека за прогулы и 10 439 — за самовольное оставление работы). И все так же суды нередко выносили заведомо несправедливые или сомнительные приговоры. Вот типичные примеры первых послевоенных лет: народный судья Бабенкова (Камышловский район) за самовольное оставление работы приговорила гражданку Пермикину к двум месяцам тюремного заключения, хотя у последней была законная причина для разрыва трудовых отношений. В Свердловске уборщица детского сада Рязанцева была необоснованно привлечена к ответственности (имела на руках больничный лист). Были и сложные случаи: в Ревде рабочий Заборных 12 дней не выходил на работу по причине (как он заявил) отсутствия у него обуви. Другой житель этого же города — рабочий стройуправления «Уралтяжстроя» Прохоров, 1931 года рождения, на суде заявил, что «<...> работать не будет, так как на руки ничего не получает». Народный суд 1-го участка города Ревды не стал вдаваться в причины прогулов и приговорил Прохорова к двум месяцам тюремного заключения [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 171, л.л. 50—52; оп. 45, д. 206, л. 57].

Практически не снижалось число «дезертиров производства», то есть работников, самовольно оставивших работу (благо, период военного времени завершился): только за год — вторую половину 1946-го и первую половину 1947-го — в розыск было объявлено еще 11 836 таких «беглецов» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 171, л. 107]. В соответствии с Инструкцией прокуратуры СССР, Наркомата юстиции и НКВД СССР от 20 августа 1945 года народные суды направляли определение о розыске в органы милиции по месту проживания «дезертиров» или по месту его вероятного нахождения. В свою очередь, органы милиции обязаны были в течение двух месяцев произвести розыск обвиняемого, что делалось ими весьма неохотно по причине и без того большой загруженности. Действительно, послевоенный уровень преступности в области давал себя знать: только за 9 месяцев 1948 года судами было рассмотрено 21 087 уголовных дел (осуждено — 18 242, оправдано — 1 470 человек, а в отношении еще 1 375 граждан уголовные дела были прекращены). И все это — без учета дел по Указу от 26 июня 1940 года, которые неизменно составляли большую часть всех судебных дел. Это хорошо видно из судебной статистики 1950 года: тогда суды области рассмотрели 24 176 уголовных и 59 593 «указных» дела. Нетрудно заметить, что последние составили более 70 % всех дел [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 18; оп. 49, д. 130, л. 17]. Статистику поступивших и рассмотренных судами Свердловской области в 1948—1951 гг. уголовных дел в соответствии с Указом ПВС СССР от 26.06.1940 г. мы приводим в таблице.

Таблица

Статистика поступивших и рассмотренных судами
Свердловской области в 1946—1951 гг. уголовных дел
в соответствии с Указом ПВС СССР от 26.06.1940 г., *ед.*

Вид преступления	Рассмотрено			Поступило	
	1946 г.	1948 г.	I полугодие 1949 г.	1950 г.	I квартал 1951 г.
Самовольное оставление работы	10 439	6 668	5 086	23 952	4 964
Прогул	63 582	36 934	19 048	35 641	11 008
Всего	74 021	43 602	24 134	59 593	15 972

Источники: ЦДООСО, ф. 4, оп. 43, д. 171, л.л. 50—51; оп. 45, д. 206, л.л. 39, 53; оп. 49, д. 130, л. 17.

По поводу вялой реакции органов милиции на судебные определения о розыске «дезертиров» начальник Управления юстиции по Свердловской области Г. В. Куксов в своем совершенно секретном сообщении в обком партии от 24 августа 1949 года доводил до сведения областных властей, что почти треть таких определений остается вообще без всякого ответа, а «подавляющее большинство самовольно оставивших работу не розыскано» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л.л. 56, 68]. В этом же сообщении Куксов сообщал также: проверкой, проведенной Управлением юстиции области, установлено, что «<...> в работе народных судов, и в работе других организаций, обязанных вести борьбу с прогулами и самовольными уходами, имеется ряд серьезных недостатков». Недостатки были все те же, что и в далеком уже 1940 году: несвоевременное оформление администрацией предприятий и учреждений материалов, передаваемых в суд, неосновательное привлечение к ответственности, отсутствие массово-разъяснительной и культурно-просветительной работы, задержка рассмотрения дел судами, отсутствие прокурорского контроля за органами милициями и другие. В завершение Куксов констатировал, что «<...> количество прогулов на предприятиях Свердловской области велико и не снижается (причем многие прогулы совершаются из-за пьянства, т. е. по крайне неуважительной причине), а количество лиц, самовольно оставивших работу и не розысканных на 1 июля 1949 г., составило 33 429 чел., то есть весьма большую цифру» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 36].

В связи с вышесказанным нельзя не сказать следующее. Изучая карательную политику советского государства в сфере трудовых отношений,

историки обычно сосредоточивают внимание именно на репрессивных мерах властей. Но справедливости ради надо заметить, что и граждане страны вели себя далеко небезупречно, нередко демонстрируя полное бытовое разложение и удивительное падение нравов. Поэтому главной причиной прогулов на производстве было пьянство — в 1949 году по этой причине в Свердловской области было совершено 21,3 % прогулов. При этом прогульщики в своих объяснениях часто даже не старались хотя бы выглядеть достойно. Например, некто Бородин, рабочий завода имени Куйбышева, в апреле-мае 1949 года совершил пятидневный прогул. Объяснил случившееся тем, что он «страдает сильным запоем, и если получит деньги, то пьет до тех пор, пока все не пропьет». Народным судом 1-го участка Ленинского района города Нижний Тагил Бородин был осужден к трем месяцам исправительных работ по месту работы с удержанием 15 % из заработка. В другом случае некто Захаров, рабочий завода № 515, объяснил совершенный прогул тем, что он «встречал брата и выпил». Народным судом Советского района города Каменск-Уральский был приговорен к трем месяцам исправительных работ по месту работы с удержанием 25 % из заработка [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л. 52].

Помимо пьянства, причинами прогулов были: «болезнь» (поскольку больничный лист не предоставлялся, здесь в большинстве случаев, скорее всего, имел место похмельный синдром, то есть опять-таки пьянство) — 20,6; «неудовлетворительные бытовые условия» — 9,7; «сон» — 8,1; «отсутствие одежды или обуви» — 4,3; «опоздание из отпуска» — 3,4; «транспортные затруднения» — 0,5; «производственные неполадки» — 0,2; «прочие» — 31,9 %. По возрасту прогульщики распределялись так: до 18 лет — 0; от 18 до 25 — 61,9; от 25 до 30 — 4,4; от 30 до 40 — 13; старше 40 — 20,7 %.

Глядя на приведенные цифры, можно уверенно сделать два вывода: не менее трети всех прогулов совершалось по причине пьянства, а более всего этот порок поразил молодых людей в возрасте от 18 до 25 лет. Следует еще учесть, что приведенные выше цифры усреднены. Например, по городу Серову в 1951 году первые две причины прогулов составили 52 %, а в Карпинске в том же году одно только пьянство явилось причиной 53 % прогулов. Наконец, что касается социального положения прогульщиков, то 95,3 % из них были рабочими, то есть принадлежали к той группе населения, которую официальная пропаганда безо всяких на то оснований громко провозглашала «передовым классом» и «ведущей силой современности» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 45, д. 206, л.л. 48, 51; оп. 49, д. 130, л. 22].

Ситуация с реализацией указа от 26 июня 1940 года постоянно находилась в поле зрения областного суда, руководство которого время от времени направляло в обком партии справки с освещением текущего положения дел. Вот выдержки из одной из них [ЦДООСО, ф. 4, оп. 49, д. 130, лл. 17, 19, 22]:

Свердловский областной суд

Вход. 1067с

16/V-1951

Секретно

Секретарю

Свердловского обкома ВКП(б)

тов. Недосекину В. И.

Справка

О судебной практике рассмотрения уголовных дел, предусмотренных Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.06.1940 г. «Об ответственности за самовольное оставление работы и прогулы без уважительных причин» за I квартал и апрель 1951 г.

За I квартал 1951 г. в народные суды области поступило 4 964 уголовных дела на лиц, самовольно оставивших работу, и 11 008 дел на лиц, совершивших прогулы без уважительных причин.

Дела о самовольном оставлении работы и прогулах без уважительной причины составляют 74,7 % всех уголовных дел, поступивших в народные суды области (из 21 270 всех уголовных дел, поступивших в нарсуды, 15 972 дела — о прогулах и самовольном оставлении работы).

За апрель месяц 1951 года по неполным данным <...> поступило о самовольном оставлении работы 1 275 дел, о прогулах без уважительной причины 3 126 дел. <...> за 1950 год — 83 769 уголовных дел всего, в том числе 59 593 — о самовольном оставлении работы и прогулах без уважительной причины (71 %).

Затем в справке приводились данные «указной» уголовной статистики по Свердловску за 4 месяца 1951 года, и в том числе:

2-й участок Куйбышевского района

Большинство дел поступает с завода им. Калинина, Турбомоторного завода и Заводостроя. Из 198 дел о самовольном оставлении работы за 4 месяца поступило от завода им. Калинина — 50 дел, Турбомоторного завода — 61 дело, от Заводостроя — 57 дел.

О прогулах из 262 дел от завода им. Калинина — 100 дел, Турбомотормого завода — 98 дел и Заводостроя — 58 дел.

2-й участок Орджоникидзевского района

Все дела о самовольном оставлении работы поступили с Уралмашизавода — 72 дела.

Из 295 дел о прогулах с УЗТМ поступило 292 дела.

1-й участок Молотовского района

Из 19 дел о самовольном оставлении работы 17 дел поступило с ВерхИсетского завода. Из 124 дел о прогулах 110 поступило с этого же завода.

Далее в справке приводилась статистика рассмотренных судами дел с комментариями:

Окончено за I квартал: за самовольное оставление работы 3 087 дел в отношении 3 087 человек. Из них осуждено 2 126 чел., оправдано 258 чел., дела прекращены производством в отношении 116 чел.

Оставалось на рассмотрении на 01.04.1951 г. 59 859 дел (из них приостановлено за объявлением розыска подсудимых — 58 836).

За прогулы: окончено 10 847 дел в отношении 10 847 чел. Из них осуждено 9 476 чел., оправдано 1 201 чел. дела прекращены производством в отношении 131 чел.

Оставалось на рассмотрении на 01.04.1951 г. 1 858 дел, из них приостановлено 810 дел.

Как видно из приведенных выше данных, имеет место большое количество фактов неосновательной передачи руководителями предприятий и организаций материалов в суды о привлечении граждан к уголовной ответственности как за прогулы, так и за самовольное оставление работы, в результате чего народные суды прекращают дела производством или выносят оправдательные приговоры.

Неосновательное привлечение граждан к уголовной ответственности по делам о прогулах и самовольном оставлении работы в большинстве случаев является результатом того, что администрация тщательно не проверяет причины прогулов, а направляет дело в суд, не проверяются объяснения об уважительности прогула, допускаются грубые нарушения прав граждан, гарантированных трудовым законодательством: незаконное перенесение выходных дней, перевод на другие работы и т.д.

Здесь председатель областного суда приводит два вопиющих примера административного произвола, которые произошли в Каменск-Уральском на Новотрубном заводе имени Сталина. В одном случае два мастера — Седин и Кочуров — произвольно отменяли выходные, а на «прогульщиков»

сразу же передавали дела в суд. В результате рабочие Агапов, Фомин и Чемакин были оправданы. В другом же случае рабочий цеха № 1 Денисов облыжно был обвинен в пьянстве на рабочем месте. Но при разборе дела парторг цеха Булганов подтвердил трезвость обвиняемого.

Завершалась справка выводами и пожеланиями областного судьи:

<...> Большое количество приостановленных дел по ст. 5 ч. 1 Указа от 26.06.1940 г. (более 58 тысяч), объясняется, главным образом, тем, что лица, самовольно оставившие работу, выбывают из города или района, или изменяют место жительства. Органы милиции, которые обязаны разыскивать дезертиров, оперативных мер не принимают, по истечении 2-х месяцев, в течение которых они обязаны производить розыск, большинство дезертиров не разыскивается, определения о розыске возвращаются в нарсуды и дела лежат без движения.

<...> Предложить горкомам, райкомам ВКП(б), Обкому ВЛКСМ, Облпрофсовету обратить особое внимание на проведение массово-разъяснительной работы среди рабочих и служащих по вопросам коммунистического отношения к труду и ответственности за нарушение трудовой дисциплины.

Председатель суда

/З. И. Шведова/

Как видно из процитированного нами документа, весной 1951 года в розыске только по Свердловской области находилась целая армия «дезертиров» — без малого 60 тысяч человек, в любой момент готовых пополнить контингент осужденных. Здесь нельзя не отметить, что государственный террор в начале 1950-х годов даже усилился по сравнению с первыми послевоенными годами, что хорошо видно по приведенной нами выше таблице: в 1948 году по области было рассмотрено дел о прогулах и самовольных уходах примерно в 1,4 раза меньше, чем в 1950-м. Самой распространенной мерой наказания нарушителей Указа во второй половине 1940-х — первой половине 1950-х годов было 6 месяцев исправительных работ по месту работы с удержанием до 25 % заработка. Анализ, проведенный Управлением юстиции области летом 1949 года, показал, что по трем выбранным в Каменск-Уральском, Первоуральске и Серове судебным участкам доля таких приговоров составила 46 % [ЦДООСО, оп. 45, д. 206, л. 52].

В то же время даже на 1 января 1951 года в лагерях и колониях ГУЛага в СССР находилось 26 485 чел. «указников» [Земсков, 1991]. За этими, как говорят, сухими цифрами — тысячи и тысячи озлобленных, ни во что не верящих, затравленных государством людей с изуродованными судьбами. И так продолжалось до отмены Указа в 1956 году. Даже в 1954 году

на одном из избирательных бюллетеней кто-то сделал такую надпись: «На производстве [надо] быть каждый день, а материальных средств для лечения нет» [ЦДООСО, ф. 4, оп. 53, д. 112, л. 56].

6. Выводы

Подводя итоги, напомним упомянутую нами в статье цифру — 18 млн граждан СССР, подвергшихся наказанию в соответствии с Указом от 26 июня 1940 года. По результатам проведенного в статье исследования можно утверждать, что эта цифра вполне коррелирует с публикуемыми нами данными по Свердловской области (с учетом соотношения численности ее населения с аналогичной цифрой по всему СССР). Действительно, наказанию за различные трудовые проступки в Советском Союзе в 1940—1955 годах подверглись многие миллионы людей, а в Свердловской области — сотни тысяч. Они были наказаны в том числе и за «преступления», не являющиеся таковыми по меркам цивилизованного общества. Приходится ли сегодня удивляться уголовной ментальности довольно значительной части российского населения? Она фактически целенаправленно формировалась советским государством на протяжении всей истории его существования. В связи с этим много лет спустя один из бывших работников высшего органа государственной власти — Президиума Верховного Совета СССР — вспоминал: «Сколько в те годы попадало под колеса юстиции почти без вины — за опоздание на двадцать минут, за заболевание, сразу же не оформленное, за другие самые мелкие нарушения. Суд, тюрьма, лагерь — и снова подневольный труд, причем судебная процедура сокращалась до минимума: никаких адвокатов, никаких свидетелей, просто бумага с производства о факте и приговор» [Королев, 1995, с. 74].

Вполне можно согласиться также с известным исследователем карательной машины советского правосудия В. Н. Земсковым, написавшим такие строки: «<...> тогдашнее руководство партии и государства, рассматривало репрессивность как неперемное условие нормального функционирования и поступательного укрепления режима, как постоянно действующий инструмент упрочения собственной власти и, в конечном итоге, как закономерность социалистического строительства» [Земсков, 1991]. Аналогично как объективную закономерность власть предержащие рассматривали и принуждение граждан к труду и исполнению различного рода повинностей, в том числе воинской. В результате многие мужчины СССР лучшие годы своей молодости вынуждены были отдать военной службе. Особенно это касалось морского флота — там с 1939 по 1949 годы срок срочной службы составлял целых 5 лет. Начавшаяся же в 1941 году

Великая Отечественная война дала властям повод демобилизовать моряков, призванных в 1940 году, только в 1949-м. А многие тысячи солдат-пехотинцев призыва 1944 года вернулись домой только в 1951-м. Наконец, можно вспомнить события 1955 года, когда военнослужащим-строителям срочной службы секретным (!) (знак наш. — В. М.) постановлением Совета Министров срок службы был увеличен на полгода по причине «нехватки рабочей силы» [Мамяченков, 2016б].

В завершение нельзя не сказать о том, что репрессивные методы до сих пор находят свое оправдание в работах ряда историков и публицистов. Так, И. Пыхалов считает, что Указ от 26 июня 1940 года «<...> не затрагивая интересов добросовестных работников <...> позволил приструнить лодырей и бездельников, чем весьма способствовал повышению трудовой дисциплины» [Пыхалов, 2011, с. 352]. Такая оценка данного Указа представляется нам весьма легковесной и столь же циничной. Уже сами систематические, на протяжении полутора десятков лет, беспрецедентные масштабы применения данного акта говорят о его неприкрытой репрессивной сущности, а в конечном итоге — неэффективности и бессмысленности.

Источники и принятые сокращения

1. *Ведомости* Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик : газета. — Москва. — 1940. — № 20 (83). — 5 июля.
2. *Ведомости* Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик : газета. — Москва. — 1940. — № 25 (88). — 30 июля.
3. ГАСО — *Государственный архив* Свердловской области. Ф. Р1813 (Областное статистическое управление). Ф. Р1813. Оп. 1. Д. 227. Л. 84.
4. УК РСФСР 1941 — *Уголовный кодекс РСФСР*. С изменениями на 15 ноября 1940 г. Официальный текст с приложением постановлено-систематизированных материалов. — Москва, 1941.
5. ЦДООСО — *Центр* документации общественных организаций Свердловской области. Ф. 4. (Обком КПСС). Оп. 43. Д. 171. Лл. 50—52, 107; Оп. 45. Д. 206. Лл. 18, 36, 39, 48, 52—53, 57; Оп. 49. Д. 130. Л. 17, 19, 22; Оп. 53. Д. 112. Л. 56.

Литература

1. *Бородкин Л. И.* ГУЛАГ : экономика принудительного труда / Л. И. Бородкин. — Москва, 2008. — 320 с.
2. *ГУЛАГ* в годы Великой Отечественной войны // Военно-исторический журнал. — 1991. — № 1.
3. *Желев Ж.* Фашизм. Тоталитарное государство / Ж. Желев. — Москва : Новости, 1991. — 336 с.

4. Земсков В. Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) / В. Н. Земсков // Социологические исследования. — 1991. — № 6. — С. 10—27; 1991. — № 7. — С. 3—16.
5. Иванова Г. М. История ГУЛАГа (1918—1958) : социально-экономический и правовой аспекты / Г. М. Иванова. — Москва, 2006. — 439 с.
6. Керсновская Е. А. Сколько стоит человек : повесть о пережитом : в 6 т. / Е. А. Керсновская. — Москва : Можайск-ТЕРРА, 2000—2001.
7. Кириллов В. М. История репрессий в Нижнетагильском регионе Урала. 1920-е — начало 50-х гг. : в 2 частях / В. М. Кириллов. — Нижний Тагил, 1996. — Ч. 1 : Репрессии 1920—1930-х гг. — 231 с. ; Ч. 2 : Тагиллаг, 1940 — начало 50-х гг. — 248 с.
8. Кириллов В. М. Страницы истории среднеуральских «островов» ГУЛАга (1936—1953 гг.) / В. М. Кириллов // Страницы истории Урала : сборник статей и информационных материалов. — Пермь : ПГПУ, 1998. — Вып. 3. — С. 88—100.
9. Кокурин А. И. ГУЛАГ (Главное управление лагерей), 1918—1960 / А. И. Кокурин, Н. В. Петров. — Москва : МФД, 2000. — 888 с.
10. *Коммерсант.ru* [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.kommersant.ru/doc/1353083>.
11. Королев Ю. А. Кремлевский советник / Ю. А. Королев. — Москва : Олимп, 1995. — 320 с.
12. Кузнецов В. Н. Атомный проект за колючей проволокой / В. Н. Кузнецов. — Екатеринбург, 2004. — 280 с.
13. Кузнецов В. Н. Цена свободы — атомная бомба / В. Н. Кузнецов. — Екатеринбург, 2005. — 272 с.
14. Маламуд Г. Я. Заключение, трудмобилизованные НКВД и спецпоселенцы на Урале в 1940-х—начале 50-х годов : диссертация ... кандидата исторических наук / Г. Я. Маламуд. — Екатеринбург, 1998. — 194 с.
15. Маламуд Г. Я. Лагеря НКВД на Урале в 1940-х — начале 50-х годов [Электронный ресурс] / Г. Я. Маламуд — Режим доступа : http://www.csc.ac.ru/news/1998_1/1-11-2.pdf.
16. Мамяченков В. Н. Некоторые аспекты повседневной жизни исправительно-трудовых лагерей Свердловской области в начале 1950-х годов (по материалам доклада политотдела СевУраллага МВД СССР) / В. Н. Мамяченков // Научный диалог. — 2016а. — № 7 (55). — С. 186—198.
17. Мамяченков В. Н. Солдатский бунт 1955 г. в Свердловской области / В. Н. Мамяченков // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2016б. — № 2 (64). — С. 108—112.
18. Пыхалов И. Великий обогланный Вождь. Ложь и правда о Сталине / И. Пыхалов. — Москва : Яуза-пресс, 2010. — 480 с.
19. Свердловский областной суд [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://www.ekbobsud.ru>.
20. Солженицын А. И. Малое собрание сочинений : в 7 т. / А. И. Солженицын. — Москва : Инком НВ, 1991.
21. Солоневич И. Л. Россия в концлагере / И. Л. Солоневич. — Москва, 1999. — 360 с.

Policy of Soviet State in Sphere of Labour Relations in 1940s — Early 1950s: How to Get People Work? (on Materials of Sverdlovsk Region)

© **Mamyachenkov Vladimir Nikolayevich (2017)**, Doctor of History, professor, Department of Theory of Management and Innovations, Institute of Public Administration and Entrepreneurship, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin; professor, Department of State and Municipal Management, Institute of Economics, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia), mamyachenkov@mail.ru.

The article is devoted to the topic insufficiently developed in the national historiography, particularly in regard to its regional aspect. The study was conducted on materials of the State archive of the Sverdlovsk region and the Centre of documentation of public organizations of Sverdlovsk region with the assistance of the scientific and publicistic literature. The topic urgency is determined by its high relevance for the social sciences, especially history, sociology and political science. Scientific novelty of the work is seen in the fact that the new materials discovered by the author in these archives are introduced into scientific usage. The research proves that the labour legislation in the USSR was, in fact, punitive. It is argued that the whole history of the Communist regime in our country is the history of the administrative-forced labour of the Soviet people. It is declared that in the Soviet period of history, until the beginning of "perestroika," any research of problems of administrative coercion in the USSR was impossible. It is emphasized that almost until the last days of the Soviet Union the evasion of citizens from "socially useful work" in any case was regarded as a serious violation of the law and was strongly pursued, either by measures of societal impact or by the application of criminal law. It is proved that the leadership of the Communist party and the state considered repressive labour as a precondition for normal functioning and strengthening of the regime, as a permanent tool for strengthening their own power and, ultimately, as a natural law of the socialist construction."

Keywords: USSR; war and post-war years; Sverdlovsk region; labour relations; truancy; administrative enforcement; punitive policy.

Material resources

- GASO — *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti*. F. R1813 (Oblastnoye statisticheskoye upravleniye). F.R1813. Op.1. D.227. L.84. (In Russ.).
- TsDOOSO — *Tsentr dokumentatsii obshchestvennykh organizatsiy Sverdlovskoy oblasti*. F.4. (Obkom KPSS). Op.43. D.171. Ll.50—52, 107; Op.45. D.206. Ll.18, 36, 39, 48, 52—53, 57; Op.49. D.130. L.17, 19, 22; Op.53. D.112. L.56. (In Russ.).
- Ugolovnyy kodeks RSFSR*. S izmeneniyami na 15 noyabrya 1940 g. Ofitsialnyy tekst s prilozheniyem postatelyno-sistematizirovannykh materialov. 1941. Moskva. (In Russ.).
- Vedomosti Verkhovnogo Soveta Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik*: gazeta. 1940. Moskva, 20 (83). 5 iyulya. (In Russ.).
- Vedomosti Verkhovnogo Soveta Soyuz Sovetskikh Sotsialisticheskikh Respublik*: gazeta. 1940. Moskva, 25 (88). 30 iyulya. (In Russ.).

References

- Borodkin, L. I. 2008. *GULAG. Ekonomika prinuditelnogo truda*. Moskva. (In Russ.).
- GULAG v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1991. *Voyenno-istoricheskiy zhurnal*, 1. (In Russ.).
- Ivanova, G. M. 2006. *Istoriya GULAGA (1918—1958): sotsialno-ekonomicheskii i pravovoy aspekt*. Moskva. (In Russ.).
- Kersnovskaya, E. A. 2000—2001. *Skolko stoit chelovek: povest' o perezhitom*, 6. Moskva: Mozhaysk-TERRA. (In Russ.).
- Kirillov, V. M. 1996. *Istoriya repressiy v Nizhnetagil'skom regione Urala 1920-e — nachalo 50-kh godov*, 2.1: Repressii 1920—1930-kh gg.; 2: Tagillag, 1940 — nachalo 50-kh gg. Nizhniy Tagil. (In Russ.).
- Kirillov, V. M. 1998. Stranitsy istorii sredneuralskikh «ostrovov» GULaga (1936—1953 gg.). In: *Stranitsy istorii Urala: sbornik statey i informatsionnykh materialov*, 3 Perm': PGPU. (In Russ.).
- Kokurin, A. I., Petrov, N. V. 2000. *GULAG (Glavnoye upravleniye lagerey)*, 1918—1960. Moskva: MFD. (In Russ.).
- Kommersant.ru*. Available at: <http://www.kommersant.ru/doc/1353083>. (In Russ.).
- Korolev, Yu. A. 1995. *Kremlevskiy sovetnik*. Moskva: Olimp. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. N. 2004. *Atomnyy proyekt za kolyuchey provolokoy*. Yekaterinburg. (In Russ.).
- Kuznetsov, V. N. 2005. *Tsena svobody — atomnaya bomba*. Yekaterinburg. (In Russ.).
- Malamud, G. Ya. *Lageriya NKVD na Urale v 1940-kh—nachale 50-kh godov*. Available at: http://www.csc.ac.ru/news/1998_1/1-11-2.pdf. (In Russ.).
- Malamud, G. Ya. 1998. *Zaklyuchennyye, trudmobilizovannyye NKVD i spetsposelentsy na Urale v 1940-kh—nachale 50-kh godov: dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk*. Yekaterinburg. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. 2016a. Nekotoryye aspekty povsednevnoy zhizni ispravitelno-trudovyykh lagerey Sverdlovskoy oblasti v nachale 1950-kh godov (po materialam doklada politotdela SevUrallaga MVD SSSR). [Some Aspects of Daily Life in Sverdlovsk Oblast Labour Camps in Early 1950-ies (on Materials of Report of Political Department of SevUrallag of USSR Ministry of Internal Affairs)]. *Nauchnyy dialog*, 7 (55): 186—198. (In Russ.).
- Mamyachenkov, V. N. 2016b. Soldatskiy bunt 1955 g. v Sverdlovskoy oblasti. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kulturologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki*, 2 (64): 108—112. (In Russ.).
- Pykhalov, I. 2010. *Velikiy obolgannyy Vozhd'. Lozh i pravda o Staline*. Moskva: Yauzapress. (In Russ.).
- Solonevich, I. L. 1999. *Rossiya v kontslagere*. Moskva. (In Russ.).
- Solzenitsyn, A. I. 1991. *Maloye sobraniye sochineniy*, 7. Moskva: Inkom NV. (In Russ.).
- Sverdlovskiy oblastnoy sud*. Available at: <http://www.ekbobsud.ru>. (In Russ.).
- Zemskov, V. N. 1991. GULAG (Istoriko-sotsiologicheskii aspekt). *Sotsiologicheskkiye issledovaniya*, 6: 10—27; 7: 3—16. (In Russ.).
- Zhelev, Zh. 1991. *Fashizm. Totalitarnoye gosudarstvo*. Moskva: Novosti. (In Russ.).